

МОТИВ ПРЕДАТЕЛЬСТВА В ПОВЕСТИ Л. АНДРЕЕВА «ИУДА ИСКАРИОТ»

Библия – памятник литературы, искусства, культуры, дающий пищу для размышлений и творчества всем, кто обращается к нему. Библейские сюжеты не теряют актуальности, являя собой смысловые концепты, которые каждый желающий может переосмыслить по своему, привнеся в них новую идею, смысл. Священное Писание на протяжении многих веков возбуждает интерес различных поэтов (например, «Исаак и Авраам» Бродского, стихотворения Анны Ахматовой, Бориса Пастернака), художников («Мадонна» Да Винчи, «Динарий Кесаря» Тициана Вечеллио), композиторов (Сергей Рахманинов, Йозеф Гайдн, Пьер Де Ла Рю), и, конечно, писателей, об одном из которых – Леониде Андрееве – хотелось бы сказать подробнее.

Леонид Андреев – русский писатель, создававший свои произведения на рубеже XIX-XX веков, был одним из художников, кто обратился к художественной интерпретации канонического сюжета о предательстве Христа Иудой Искаротом.

Рассмотрение мотива предательства представляет интерес, так как после первого "отхода" от канонического видения последовали многие другие, и в настоящее время литература изобилует всевозможными сюжетами и образами, которые берут за основу лишь малую часть библейского писания, а все остальное добавляют сами, полагаясь лишь на свои вкусы и чувства.

Своеобразием мотива предательства в повести Л. Андреева занимались многие ученые: Е. А. Михеичева, Л. А. Колобаева, С. Замлелова. Самыми известными в этой области являются работы Нямцу А. Е.

Целью данной работы является анализ своеобразия трактовки мотива предательства Иуды Искарота в повести Леонида Андреева.

Повесть Леонида Андреева «Иуда Искарот» была создана на острове Капри 24 февраля 1907 г. Взяв за основу евангельскую легенду о предательстве Иудой Иисуса Божьего сына за тридцать сребреников, Андреев переосмысливает ее сюжет и наполняет его новым содержанием, представляя на суд читателя свою версию событий 30-х годов нашей эры. Под пером автора библейский сюжет из сухого, описательного превратился в живой, психологический. Евангелия бедны художественными деталями и психологическими характеристиками, ведь они – письменно изложенные проповеди Христа и его жизнеописание. У Андреева же этот сюжет принимает художественную форму, насыщенную разнообразными тонкостями и оттенками, придающими произведению столь яркую окраску. В андреевской интерпретации текст кажется максимально "живым", читатель словно прикасается к судьбам героев, видит их для себя не отдаленными идеализированными персоналиями, а вполне реальными персонажами, которых каждый может себе представить и, по крайней мере, постараться понять. То же можно сказать и о самом мире повести – благодаря многочисленным описаниям, эпитетам и сравнениям читатель, обладая хоть малой толикой фантазии, может без особых усилий представить себя посреди живописных пейзажей, по которым путешествовал Христос со своими учениками, почувствовать тепло костра, безопасную тишину Гефсиманского сада и безумный ужас у крестов Голгофы.

Иуда предстаёт в произведении совершенно иным, нежели в евангельском повествовании, — искренне любящим Христа и страдающим от того, что не находит понимания своим чувствам. От низкого, подлого человека, действующим ради собственной выгоды и не чувствующего совершенно ничего позитивного: «14 Тогда один из двенадцати, называемый

Иуда Искариот, пошел к первосвященникам 15 и сказал: что вы дадите мне, и я вам предаю Его? Они предложили ему тридцать сребренников; 16 и с того времени он искал удобного случая предать Его» [2], он преобразуется в человека глубоко несчастного, оказавшегося, словно пленник, в заложниках между двумя своими половинами характера. Андреев описывает Иуду, словно бы разделенным на две части, причем не только внешне, но и внутренне: «Он был худощав, хорошего роста, почти такого же, как Иисус, который слегка сутулился от привычки думать при ходьбе и от этого казался ниже, и достаточно крепок силою был он, по-видимому, но зачем-то притворялся хилым и болезненным и голос имел переменчивый: то мужественный и сильный, то крикливый, как у старой женщины, ругающей мужа, досадно-жидкий и неприятный для слуха, и часто слова Иуды хотелось вытащить из своих ушей, как гнилые, шероховатые занозы. Короткие рыжие волосы не скрывали странной и необыкновенной формы его черепа: точно разрубленный с затылка двойным ударом меча и вновь составленный, он явственно делился на четыре части и внушал недоверие, даже тревогу: за таким черепом не может быть тишины и согласия, за таким черепом всегда слышится шум кровавых и беспощадных битв. Двоилось также и лицо Иуды: одна сторона его, с черным, остро высматривающим глазом, была живая, подвижная, охотно собиравшаяся в многочисленные кривые морщинки. На другой же не было морщин, и была она мертвенно-гладкая, плоская и застывшая, и хотя по величине она равнялась первой, но казалась огромною от широко открытого слепого глаза» [1, 436]. Образ и душа Иуды находятся в гармонии, они словно дополняют друг друга. «Образ Иуды строится как система парадоксов. Изменник, предающий высшую свою любовь, Иуда в изображении Андреева, как никто другой, способен к подлинной любви, деятельной, молчаливой, бескорыстной. Он один умеет угадать скрытые желания Христа и доставить ему самую большую радость. Иуда сам добывает в горах редкую лилию для Иисуса, чтобы она напомнила ему родину, приносит на руках младенцев, чтобы учитель мог порадоваться на них» [4, 141] – мог ли евангельский Иуда, хладнокровный и подлый предатель, вести себя так? Конечно же, нет.

«И главный парадокс: лжец, вечный притворщик, Иуда в то же время и искатель истины. Он губит Христа и погибает сам ради нее – ради истины. Именно так толкуется сущность драмы Иуды, происхождение его предательского замысла. Измена Иуды – это чудовищный, но необходимый для него эксперимент, который должен проверить его подозрения об учениках Христа, предположения о бессилии человеческой любви, о ничтожестве человека вообще» [4, 142] – именно подобная парадоксальность, двойственность и является основой андреевского Иуды, из нее состоит его особенность, та самая, что обусловила и обособила мотив его предательства, сделав его настолько отличающимся от общеизвестных.

С самого начала и на протяжении всей повести рефреном звучат слова «Иуда Предатель», ведь именно такое имя укоренилось в сознании людей с глубокой древности, эти слова стали неразрывными, слившись в чуть ли не фразеологическом единстве. Андреев принимает и использует его, но лишь как «прозвище», данное людьми, не вкладывая в него истинного значения слова «предатель». Для писателя Иуда во многом символический предатель, словно он и не хотел использовать это слово касательно своего персонажа, который, однако, известен на весь мир именно своим предательством. С самого начала повествования видно, как порочна природа Иуды, бросившего свою жену и обрекшего ее на нищенство и страдания: «Рассказывали далее, что свою жену Иуда бросил давно, и живет она, несчастная и голодная, безуспешно стараясь из тех трех камней, что составляют поместье Иуды, выжать хлеб себе на пропитание» [1, 434]. Преувеличено его безобразие, асимметричность его черт будто нарочно подчеркивается в самых мрачных и отвратительных красках: «И то совсем

привычен он становился, обманывая утомленное зрение, то вдруг бросался в глаза и в уши, раздражая их, как нечто невиданно-безобразное, лживое и омерзительное. Тогда суровыми словами отгоняли его, и на короткое время он пропадал где-то у дороги, а потом снова незаметно появлялся, услужливый, льстивый и хитрый, как одноглазый бес» [1, 435]. В дальнейшем же ходе повествования поступки Иуды будут удивлять своей несуразностью: в разговорах с учениками он то молчалив: «Но и приятное говорил редко, тем самым придавая ему особенную ценность, а больше молчал, внимательно прислушивался ко всему, что говорится, и думал о чем-то» [1, 458], то чрезвычайно добр и радушен: «Все весело смеялись на рассказ Иуды, и сам он приятно улыбался, щуря свой живой и насмешливый глаз» [1, 440], что даже пугает многих его собеседников. С Иисусом Иуда подолгу не разговаривал, но Иисус любил Иуду, как и других своих учеников, часто искал глазами Иуду и интересовался им, хотя Иуда, казалось бы, недостоин этого.

«Л. Андреев ни в коей мере не стремится оправдать своего героя, поэтому он неоднократно подчеркивает предопределенность и трагическую безысходность взаимоотношений между Христом и Иудой, на что в повести обращают внимание многие ученики. Не оправдывая Иуду, писатель стремится понять психологические детерминанты его поведенческого статуса, исследовать истинные мотивы предательства в реконструируемой художественной модели» [6, 307] – данная точка зрения как нельзя более точно выражает всю суть андреевских мотивировок и изображений Иуды в столь необычной для общества вариации.

Каков же мотив поведения именно андреевского Иуды? Вне сомнений, истинной причиной его поступков является любовь к Христу. Выше упоминалась проходящая сквозь всю повесть невероятная двойственность Иуды, его внешности и мыслей, даже манеры поведения. И та же самая двойственность представляется нам причиной его поступков. Одной рукой Иуда спасал Христа от гибели: «Он не отговаривал Иисуса от последнего, опасного путешествия в Иерусалим, как делали это женщины, он даже склонялся скорее на сторону родственников Иисуса и тех его учеников, которые победу над Иерусалимом считали необходимою для полного торжества дела. Но настойчиво и упорно предупреждал он об опасности и в живых красках изображал грозную ненависть фарисеев к Иисусу, их готовность пойти на преступление и тайно или явно умертвить пророка из Галилеи» [1, 466], и другую же предавал его: «Полученные деньги Иуда не отнес домой, но, выйдя за город, спрятал их под камнем. И назад он возвращался тихо, тяжелыми и медлительными шагами, как раненое животное, медленно уползающее в свою темную нору после жестокой и смертельной битвы» [1, 463]. На протяжении всего текста повести в Иуде идет мучительная борьба с самим собой, он словно разрывается на части между своими желаниями и мыслями: «И, выйдя в место, куда ходил и по нужде, долго плакал там, корчась, извиваясь, царапая ногтями грудь и кусая плечи. Ласкал воображаемые волосы Иисуса, нашептывал тихо что-то нежное и смешное и скрипел зубами. Потом внезапно перестал плакать, стонать и скрежетать зубами и тяжело задумался, склонив на сторону мокрое лицо, похожий на человека, который прислушивается. И так долго стоял он, тяжелый, решительный и всему чужой, как сама судьба» [1, 464].

В тексте повести можно видеть разные картины, то показывающие невыразимую нежность, любовь и заботу Иуды по отношению к Христу, то, наоборот, гневные, омерзительные и презрительные выражения на его лице, устах и в поступках его. Однако со временем становится понятно, что его действия рассчитаны вовсе не на Христа, а на его учеников. Именно это стало целью Иуды – разоблачить учеников Христа, выявить в первую

очередь в них малодушных предателей. Но для начала он решил удостовериться в этом сам, сам признать или опровергнуть тот факт, что не осталось в мире уже ничего человеческого, доброго и заботливого, бесконечно преданного и любящего. И с лихвой убеждается он в этом, словно видит души апостолов насквозь своим слепым, но чрезвычайно пронзительным глазом. Видит Иуда, что все они мелочны и что души их прогнили насквозь. В стремлении донести это до Христа, уберечь его, столь прекрасного и высокого от низменности и порока, Иуда и совершает свой грех – он не желает Христу смерти ни единой мыслью, однако хочет показать ему, насколько тот заблуждается в своих учениках и не знает о них всей истинной правды. И, как сказано издавна, – «Благими намерениями выстлана дорога в ад», – такими же становятся и намерения Иуды. До последнего он верит, что Христа не распнут, до последнего надеется, что все вокруг одумаются, увидев истинного Христа, такого, каким он видится самому Иуде, истинным Божьим Сыном. Но толпа столь же низка и слаба, сколь и ученики Христа, они жаждут развлечений и зрелищности, громко кричат они: «Распни! Распни его! Распни!», и не случается чуда. Никаких божественных знаков не было дано свыше, не воссиял Христос в глазах людей, и случилось страшное. Скорее всего, до Иуды не сразу дошел тот факт, что все случилось именно так.

И конечно, после казни Христа, Иуда стал винить себя в его гибели. Поначалу он набросился на апостолов, обличая их и понося самыми последними словами, поскольку они явили свои истинные лица, лица предателей и трусов, не взявших за меч, когда была в том истинная надобность: «– Но разве он запретил вам и умирать? Почему же вы живы, когда он мертв? Почему ваши ноги ходят, ваш язык болтает дрянное, ваши глаза моргают, когда он мертв, недвижим, безгласен? Как смеют быть красными твои щеки, Иоанн, когда его бледны? Как смеешь ты кричать, Петр, когда он молчит? Что делать, спрашиваете вы Иуду? И отвечает вам Иуда, прекрасный, смелый Иуда из Кариота: умереть. Вы должны были пасть на дороге, за мечи, за руки хватать солдат. Утопить их в море своей крови – умереть, умереть! Пусть бы сам Отец его закричал от ужаса, когда все вы вошли бы туда!» [1, 491]. Однако, высказав всю свою злобу и обиду, Иуда не почувствовал облегчения. Мысль, поначалу не проявившаяся, точила его теперь с каждой секундой все сильнее и сильнее. Он решает, что на самом деле это его вина, что именно он не уберег Иисуса от его учеников и от гибели. Не в силах выдержать подобной тяжести Иуда в конечном итоге сводит счеты жизнью: «Иуда давно уже, во время своих одиноких прогулок, наметил то место, где он убьет себя после смерти Иисуса. Это было на горе, высоко над Иерусалимом, и стояло там только одно дерево, кривое, измученное ветром, рвущим его со всех сторон, полусохшее. Одну из своих обломанных кривых ветвей оно протянуло к Иерусалиму, как бы благословляя его или чем-то угрожая, и ее избрал Иуда для того, чтобы сделать на ней петлю» [1, 492].

Финал повести остается тем же, что и в Евангелии, однако, если в нем на первый план выходила гибель Христа, затмевая собой все остальные события, даже самоубийство предателя, который получил по заслугам, то у Андреева именно гибель Иуды становится кульминационной точкой, самым ярким событием в повести. Уровень терзаний в душе Иуды достиг апогея – он больше не был в силах выносить содеянное и, проклиная себя за все, пустил свою душу в небытие.

Подводя итоги, можно сказать, что, прежде всего, Иудой движет безграничная любовь к Иисусу. Иуда полюбил Христа, как только увидел его, он сразу же постарался приблизиться к Спасителю, облагодетельствовать его, в то же время борясь со своей «темной» стороной, которая всячески побуждала его причинять ближним боль и неприятности.

Одним из побуждающих мотивов в этой сложной системе причинно-следственных связей стало осознание Иудой того факта, что апостолы вовсе не являются такими, какими кажутся на первый взгляд. Он с ужасом понимает, что все ученики Христа на самом деле трусливы, хвастливы и мелочны, что в них нет и капли той любви к Спасителю, которая есть у самого Иуды, что все их поступки лишь создают видимость участия и восхищения. Однако, не будучи до конца уверенным в своем предположении, Иуда решается на проведение чудовищного эксперимента, целью которого было достоверно выяснить, являются ли его опасения обоснованными или же нет. В придании эксперименту такой жестокости, вне сомнения, сыграла важную роль та самая «темная» сторона предателя, хоть Иуда всячески и боролся с ней.

Борьба двойственной личности завершилась триумфом темной стороны, и Иуда все-таки продал Иисуса первосвященникам за тридцать сребреников. Как только Иуда совершил свой поступок, он тут же глубоко раскаялся в нем и стал всячески пытаться предотвратить неминуемое, обойти беду стороной. Однако, все его попытки и уговоры не дали результатов, и Иисус все равно направился в Галилею, навстречу гибели. Но и в этот момент Иуда не стал раскрывать истинной причины своего нежелания приближаться к Галилее, он по-прежнему ждал результатов своего эксперимента, по-прежнему хотел выявить истинную природу двенадцати апостолов и показать ее Христу, чтобы уберечь его от них.

В своей правоте Иуда убеждается уже в тот момент, когда Иисуса хватают фарисеи, он видит, что ученики его не предпринимают никаких активных действий, понимает, что был прав и нет среди них того, кто бы любил Иисуса так, как любит он, Иуда. И если во время этих событий в нем оставалась еще хоть капля надежды, то после казни Иисуса улетучивается и она – ученики остались в стороне и даже не попытались хоть как-то помочь своему Учителю. После казни же Иуда приходит к ним и видит, что они ведут себя так, словно произошедшее почти не задевает их – один из апостолов спокойно спал, а другой принимал пищу. И в гневе обрушивается Иуда на апостолов, ругает их, обвиняет в малодушии, лицемерии и фальши, в этот момент его отчаяние достигает апогея. Эксперимент окончен, да, Иуда оказался целиком и полностью прав, но правда досталась ему слишком дорогой ценой. Не в силах больше выносить тяжесть своего проступка он решает последовать вслед за Спасителем, и уходит в мир иной, заплатив свою цену за предательство.

Список использованной литературы

1. Андреев Л. Н. Романы. Повести. Рассказы / Л. Н. Андреев – М.: Эксмо, 2007. – С. 434 – 495.
2. Евангелие от Матвея 26 :14, 15, 16.
3. Замлелова С. Г. Приблизился предающий: Трансгрессия мифа об Иуде Искариоте в XX-XXI вв.: моногр. / С. Г. Замлелова; – М., 2014. – 272 с.
4. Колобаева Л. А. Личности в художественном мире Леонида Андреева / Л. А. Колобаева // Концепция личности в русской литературе рубежа XIX - XX вв. / Л. А. Колобаева. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1990 . – С. 114–147.
5. Михеичева Е. А. Жанровые особенности “библейских рассказов” Л. Н. Андреева / Е. А. Михеичева // Жанры в историко-литературном процессе / под ред.: В. В. Гура; Вологодский гос. пед. ин-т. – Вологда, 1985. – С. 88–100.

6. Нямцу А. Е. Славянские литературы в общекультурном универсуме: учебное пособие / А. Е. Нямцу. – Черновцы: Черновицкий нац. ун-т им. Юрия Федьковича, Научн-исслед. центр "Библия и культура", 2012. – С. 296–311.

7. Силантьев В. И. Поэтика мотива / В. И. Силантьев / под ред.: Е. К. Ромодановской; М. : Языки славянской культуры. – 2004. – 282 с.